

УДК 323.329

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-94-102

А. В. Бутина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

anbutina@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ: МОДЕЛЬ КОНФЛИКТНОЙ КОАЛИЦИИ

Приведен анализ изменения представлений о роли интеллектуалов в современном социально-философском дискурсе. Сформулирован вывод об утрате интеллектуалами прежней монополии на формирование общественного мнения и ценностных ориентаций ввиду системных изменений в общественной жизни и возникновения социальных движений нового типа. Дана критика основных одномерных моделей участия интеллектуалов в гражданских движениях. Представлена интерпретация гражданского участия интеллектуалов как модели конфликтной коалиции с общественными движениями.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, гражданские движения, конфликтная теория коалиций.

Традиционный подход к интерпретации роли интеллектуалов в социуме представлен утверждением, что интеллектуалы выполняют функцию создания или конструирования идеологических нарративов. Своими корнями такая позиция восходит к идеалам европейского Просвещения, провозглашавшего этику долга и ответственность философов и ученых, представителей так называемой аристократии духа, за культурный облик современного им общества. Еще в 1990-е гг. в рассуждениях о Модерне британский социолог З. Бауман указывал на устойчивое понимание культуры как миссионерской деятельности интеллектуалов [2003. С. 10]. Данный подход обладал несомненным эвристическим потенциалом в исследовании социально-ментальной динамики и коренных политических трансформаций вплоть до сере-

дины XX в., однако в последние десятилетия лишился своей универсальности ввиду возникновения социальных движений нового типа и утраты интеллектуалами прежней ведущей роли в формировании общественного мнения и ценностных ориентаций.

Следует отметить, что пафос исчерпания интеллектуалами своей социальной роли и даже «смерти» интеллектуала как социального субъекта характерен и для российского научного дискурса. Здесь особенно заметна позиция историка А. Кустарева, не проводящего четкой грани между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы» и определяющего их как конгломерат агентуры умственной функции – «интеллигентности» («церебральности») общества [2006. С. 18]. По его мнению, говоря об интеллектуалах сегодня, мы имеем дело с неустойчивой терминологической конвенцией. Однако каким бы ни был дисбаланс «интеллигентского нарратива», как определяет его А. Кустарев, содержание дискурса о его влиянии традиционно характеризуется следующими аспектами. Во-первых, это апологетическое самоопределение интеллектуалов / интеллигенции. Во-вторых, традиционное разоблачение «псевдоинтеллигенции» и своего рода дифференциация интеллигенции по качеству. Наконец, нормативную часть нарратива составляют рассуждения об общественном долге интеллектуалов [Там же. С. 19]. А. Кустарев также говорит о формировании в России своего рода «антиинтеллигентского синдрома», основные истоки которого следует искать в идеологическом течении «веховства».

Предпринимая попытку дать анализ исторической типологии и современному состоянию феномена интеллигенции / интеллектуалов, сибирский исследователь И. В. Борисов отмечает, что это уже «уходящая натура – не в силу “морального износа”, интеллектуальной деградации и предательства соответствующих групп, а в силу крупных системных изменений в общественной жизни» [2017. С. 69]. Одним из ключевых изменений исследователь считает ослабление позиций внутрисистемных левых движений. Если в рамках конфликта господствующей элиты с такими движениями интеллектуалы играли роль идеологического фильтра и буфера по отношению к остальным социальным субъектам, то с поражением левых движений позиция интеллектуалов во многом теряет функциональный смысл [Там же. С. 70]. Действительно, взлет и последовавший за ним кризис социального статуса интеллектуалов – общий феномен для всех культур, которые прошли период модернизации.

Характерной чертой господствующей ранее «просветительской» трактовки роли интеллектуала в обществе являлась предпосылка

об определенной дистанции между субъектом воздействия – интеллектуалом и его объектом – социумом, обусловленная особым статусом ученого или мыслителя в обществе. В данном ключе интеллектуал выступал олицетворением разума, носителем идей и смыслов, имманентно присущих социальному порядку, что накладывало отпечаток и на само понимание соотношения мира идей и мира действий. Диалектика теории и практики здесь, как правило, определялась посредством установления причинно-следственных связей: практика понималась либо как применение теории, т. е. как ее следствие, либо, напротив, как нечто причинное, вызывающее теорию к жизни. Тем не менее такая констатирующая трактовка не дает ответа на вопрос, почему одни теории трансформируются в действия социальных субъектов, а другие оказываются невостребованными. В этой связи представляется значимым рассмотрение не столько роли идей в социальной практике, сколько роли авторов проектов и концепций – гражданского участия интеллектуалов.

Непосредственное взаимодействие с интеллектуалами не раз сопутствовало успеху гражданских движений в новой и новейшей истории России, стран Европы и обеих Америк. Примерами чему выступают: поддержка французскими интеллектуалами движения за гражданские права в Алжире в 1950–1960-е гг.; диссидентское движение в СССР; деятельность философа субкоманданте Маркоса в Сапатистской армии национального освобождения в 1990-е гг. в Мексике; участие интеллектуалов в движении безземельных рабочих в 1980-е гг. в Бразилии и т. д. Опыт истории показывает, что интеллектуалы и их идеи определяют символы движений, принципы и ценности, разделяемые их участниками. А для движений, добившихся успеха – достигших целей или получивших общественное признание, – характерно установление устойчивой связи с именем интеллектуала.

В современной социальной мысли существует ряд теоретических позиций, объединяющих точки зрения исследователей на причины участия интеллектуалов в гражданских движениях. В настоящей статье мы определяем эти позиции в качестве моделей участия.

Интеллектуалы – субъекты гражданской ответственности. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, «интеллектуалы несут ответственность перед обществом. Общества, где они немые, лишены будущего. Обязанность интеллектуалов – отчетливо выражать [существующие точки зрения] и таким образом обращаться к тем, кто несет на себе тяготы и невзгоды реальной жизни» [1997. С. 5]. В схожем ключе французский исследователь П. Бурдьё налагал

на интеллектуалов обязательство действовать в качестве коллективного сознания нации, занимая определенную позицию в общественных вопросах и активно выражая ее в публичном пространстве. Роль интеллектуала, по его мнению, состоит в гуманитарной экспертизе социально-экономических и политических процессов [2002].

Интеллектуалы – выразители интересов или позиций определенных социальных групп. Автор концепции «органического интеллектуала» итальянский философ А. Грамши указывал на то, что каждый новый класс создает вместе с собой и формирует интеллектуалов в своем поступательном развитии. Такие интеллектуалы являются «специалистами» в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет [1991].

Интеллектуалы – организаторы. Итальянский философ и последователь А. Грамши Н. Боббио считал, что задачу интеллектуала во взаимоотношениях с субъектами гражданского общества следует формулировать как работу организующим началом, образцом созидательного разума.

Интеллектуалы – критики и стратеги. На осуществление интеллектуалами в обществе критической функции в разное время указывали Й. Шумпетер [1995], Р. Арон [2006], Ю. Хабермас [2006] и др. Такая позиция, а также утверждение роли интеллектуалов в качестве разработчиков программ общественного развития близки и многим исследователям в современной России, в числе которых В. Мартьянов [2009], О. Яницкий [1991], Ю. Резник [2006] и др.

Интеллектуалы-фабианцы и интеллектуалы-фрилансеры. Американский социолог И. Хоув полагает, что для интеллектуалов, жаждущих совмещать серьезную социальную критику с защитой демократических институтов, есть два основных направления деятельности – путь «фабианца» (социал-демократический) и путь «фрилансера» (анархистский). Так, фабианец всецело отдается участию в движении за социальные реформы, посредством чего он чувствует, что служит обществу в качестве исторического наставника. Он организует свою деятельность рационально, с уважением к историческим ценностям, придавая этой деятельности идеологическое значение. В свою очередь, интеллектуал-фрилансер предлагает только один продукт – критику. Он заботится не о власти, но о влиянии, и даже менее о влиянии в социуме, чем в сообществе таких же интеллектуалов [Howe, 2006. P. 78–79.].

Однако общей чертой изложенных выше моделей участия интеллектуалов в гражданских движениях является их умозрительный

характер и представление о должном или желательном поведении интеллектуалов, которое часто расходится с реальной практикой. Представленные модели в значительной степени одномерны, в них отражено одно из свойств или ключевая, с точки зрения автора, функция интеллектуалов, что не позволяет произвести полную теоретическую реконструкцию условий интеграции интеллектуалов в практики низовой самоорганизации граждан и сформулировать вывод об их влиянии на развитие и успех социальных движений.

Предлагая подход к анализу взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов, нужно формулировать исследовательскую задачу не в контексте определения приоритета объективного либо субъективного для достижения успеха сотрудничества, а как поиск механизма взаимодействия, сочетающего в себе обе группы условий, и с необходимостью воспроизводящего себя в обществах вне зависимости от их географической локализации, а также типа политического и социокультурного развития.

На наш взгляд, теоретическим базисом адекватной современной модели интеграции интеллектуалов в проблемы и практики гражданских движений выступает концепция Р. Вутноу, представленная им в работе «Сообщества дискурса: Идеология и социальная структура в Реформации, Просвещении и европейском социализме» [Wuthnow, 1993].

В течение всех трех рассмотренных Р. Вутноу исторических и революционных периодов сперва новые политические и экономические ресурсы укрепляли государственный сектор, а затем в сложившейся ситуации длительного равновесия сил (патовой ситуации) между государственными акторами и главными обладающими собственностью консерваторами открывалось пространство для так называемых культурных предпринимателей – «третьей партии», которая в итоге и выигрывала от борьбы. Так, в период Реформации патовая ситуация возникла между аристократами-землевладельцами и городскими (как правило, торговыми) структурами; в эпоху Просвещения – между центральной бюрократией и независимыми представительными органами, в которых доминировала аристократия, а в социалистических движениях XIX в. – между землевладельческими и буржуазными партиями.

Отметим, что в своем анализе Вутноу практически не вникает в содержание идей, формулируемых интеллектуалами, а скорее обращает внимание на материальные основы культурного производства, а также расстановку политических и экономических сил, предоставляющих интеллектуалам пространство и свободу действия. При этом,

как отмечает исследователь работ Вутноу Р. Коллинз, тот делает значительный акцент на процессе отбора и институционализации идей [Коллинз, 2015].

Так, когда социально-политические условия благоприятны, происходит взрыв интеллектуального производства, однако вместе с циркуляцией новых идей возникает и обширная область несогласия. Тем не менее, согласно концепции Р. Вутноу, распространение критических идеологий дополняет атмосферу государственного распада.

Очевидно, что деятельность интеллектуалов в современных условиях весьма специализирована, и они не могут производить структурные изменения в обществе, действуя как группа, так как не могут договориться относительно выбора направления развития. Востребованность и отбор проектов интеллектуалов определяются формированием в обществе благоприятной структуры политических возможностей, характеризующейся наличием существенного разрыва между гражданскими требованиями и принимаемыми элитой политическими решениями, возникновением ситуации длительного равновесия сил между элитными группами, а также наличием интереса со стороны гражданских активистов. Для последних сотрудничество с интеллектуалами обеспечивает компенсацию недостатка ресурсов, а также завоевание социального престижа и привлечение сторонников.

Отсюда предлагаемая модель принимает вид конфликтной коалиции, устойчивость и успех которой определяются пересечением интересов (сетей) интеллектуалов и гражданских активистов, а также формированием паттернов их личных связей. Очевидно, что влияние интеллектуалов на развитие самоорганизации особенно значимо на стадии мобилизации гражданских движений, когда происходит определение репертуара коллективных действий и развитие активистской среды.

Следует отметить, что отказ считать интеллектуалов «моральным орденом» общества и определять гражданский этос их сущностной чертой отнюдь не исключает профессиональных производителей идей из пространства социальных субъектов. Напротив, предлагаемая модель конфликтной коалиции призвана подчеркнуть общественную заинтересованность в проектах интеллектуалов, существующую с необходимостью и независимо от содержания самих идей.

Гражданский проект, предлагаемый интеллектуалом, предстает неким «ящиком с инструментами», а его ценность определяется практической полезностью. Включенность в практику, в жизненный мир повседневности, изменяет и самого интеллектуала, а следовательно,

способствует развитию теории и поиску новых способов влияния на социальную динамику.

Интеграция интеллектуалов в структуру социальных и политических связей является особенно значимой для современных обществ, где специфический ресурс интеллектуала (способность к производству идей, обладающих универсальной ценностью и имеющих значение вне исторического контекста, географической привязки и практической применимости) превращается в символический капитал.

Список литературы

Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2006. № 6. С. 182–205.

Бауман З. Законодатели и толкователи // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–20.

Борисов И. В. Феномен интеллигенции / интеллектуалов: историческая типология и нынешнее состояние // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 64–74.

Бурдые П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5. С. 61–63.

Грамыши А. Тюремные тетради (Избранное). М.: Изд-во полит. лит., 1991.

Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6. С. 5–14.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). С. 18–30.

Мартьянов В. Траектория постсоветских интеллектуалов: осознание «нового класса» или выработка общественного согласия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 72–95.

Резник Ю. М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Личность. Культура. Общество. 2006. № 1. С. 60–79.

Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 4–12.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

Яницкий О. Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М.: Моск. рабочий, 1991.

Howe I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats // Public intellectuals, an endangered species? / Eds. A. Etzioni, A. Bowditch. New York, 2006. P. 71–80.

Wuthnow R. Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2018

A. V. Butina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

anbutina@yandex.ru

INTELLECTUALS IN CIVIL MOVEMENTS: A MODEL OF CONFLICT COALITION

The paper provides an analysis of changing views about the role of intellectuals in contemporary socio-philosophical discourse. The author makes a conclusion about the loss by intellectuals of the previous monopoly on shaping the public opinion and value orientations. The article criticizes the basic one-dimensional models of the participation of intellectuals in civil movements, and also presents the interpretation of civic participation of intellectuals as a model of a conflict coalition with social movements.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, civil movements, coalition conflict theory.

References

Aron R. Opyum intellektualov [The Opium of the Intellectuals]. *Logos*, 2006, no. 6, p. 182–205. (In Russ.)

Bauman Z. Zakonodateli i tolkovateli [Legislators and Interpreters]. *Neprikosnovennyi Zapas* [Emergency Store], 2003, no. 1, p. 5–20. (In Russ.)

Borisov I. V. Fenomen intelligentsii / intellektualov: istoricheskaya tipologiya i nyneshnee sostoyanie [The Phenomenon of Intelligentsia / Intellectuals: the Historical Typology and Present State]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 3, p. 64–74. (In Russ.)

Bourdieu P. Za angazhirovannoe znanie [For Engaged Knowledge]. *Neprikosnovennyi Zapas* [Emergency Store], 2002, no. 5, p. 61–63. (In Russ.)

Collins R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bolshoi dlitilnosti* [Macrohistory: essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Dahrendorf R. Grazhdanskaya otvetstvennost intellektualov: protiv novogo straha pered prosvescheniem [The civil liability of intellectuals: the fear against the new enlightenment]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, vol. 6, p. 5–14. (In Russ.)

Gramsci A. *Tyuremnye tetradi* [The Prison Notebooks]. Moscow, 1991. (In Russ.)

Habermas J. Pervym pochuyat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala [What is distinguish the intellectual]. *Neprikosnovennyi Zapas* [Emergency Store], 2006, no. 3, p. 4–12. (In Russ.)

Howe I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats. *Public intellectuals, an endangered species?* A. Etzioni, A. Bowditch (eds.). New York, 2006, p. 71–80.

Kustarev A. Konglomerat «intelligentsiya» i ego narrativ [Conglomerate «intelligentsia» and its narrative]. *Neprikosnovennyi Zapas* [Emergency Store], 2006, no. 3, p. 18–30. (In Russ.)

Martyanov V. Traektoriya postsovetskikh intellektualov: osoznanie «novogo klassa» ili vyrabotka obschestvennogo soglasiya [The trajectory of the post-Soviet intellectuals: the realization of the «new class» or the development of social consensus]. *Myslyashchaya Rossiya* [Thinking Russia]. Moscow, Eurasia Heritage Foundation, 2009, p. 72–95. (In Russ.)

Reznik Yu. M. Sotsialnaya teoriya i obschestvo: grazhdanskaya missiya i otvetstvennost intellektualov [Social Theory and Society: Civil Mission and Responsibility of intellectuals]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Community], 2006, no. 1. p. 60–79. (In Russ.)

Schumpeter J. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Wuthnow R. *Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1993.

Yanitskiy O. N. *Sotsialnye dvizheniya: 100 intervyyu s liderami* [Social Movements: 100 Interviews with Leaders]. Moscow, 1991. (In Russ.)